

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 2. С. 123–139.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 2. P. 123–139.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-123-139

XVIII ВЕК — «НОВОЕ ВРЕМЯ» ИЛИ «НАШЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»? ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ КОХАНОВСКОЙ (Н. С. СОХАНСКОЙ) (К 200-летию со дня рождения)

Ольга Леонидовна Фетисенко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Российской академии наук, Санкт-Петербург,

Россия, betsy98@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

Аннотация. Кохановская — литературный псевдоним Надежды Степановны Соханской (1823–1884), пользовавшейся на рубеже 1850–1860-х годов всероссийской известностью писательницы украинско-польско-русского происхождения, близкой к славянофильскому кругу, но самостоятельной в воззрениях. Статья посвящена рассмотрению одной из главных творческих задач, которые она ставила перед собой: сбережение через художественное слово отечественной «старины», в том числе и сравнительно близкого по времени екатерининского царствования. Воссозданные ею, часто по семейным преданиям и по документам из домашних архивов, картины русской жизни XVIII столетия и отдельные портреты людей того времени показывают, что ее представ-

ления об этом периоде жизни России существенно отличались от тех, которые принято приписывать славянофилам. Например, она с пиететом отзывалась о Петре Великом. Екатерининская эпоха трактовалась Кохановской, с одной стороны, как «средневековье» (рассказываемые в хронике «Старина» истории о возглавляемых богатыми помещиками шайках разбойников доказывают правоту такого подхода), с другой — как «новое время» (с положительной коннотацией). Интересовал писательницу и вопрос о европейской прививке к древу традиционной русской культуры. «Положительное воззрение» Кохановской на жизнь обусловило ее примиряющий подход к эпохе исторических разломов и культурных перекрестков.

Ключевые слова: творчество Кохановской (Н. С. Соханской), русская литература, историзм, славянофильство, образы императоров

Ссылка для цитирования: Фетисенко О. Л. XVIII век — «новое время» или «наше средневековье»? Художественная археология Кохановской (Н. С. Соханской) (К 200-летию со дня рождения) // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2023. Т. 6, № 2. С. 123–139. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-123-139.

Memory of Culture

18TH CENTURY — “MODERN TIMES” OR “OUR MIDDLE AGES”?
ARTISTIC ARCHEOLOGY OF KOKHANOVSKAYA (N. S. SOKHANSKAYA)
(To the 200th anniversary of her birth)

Olga L. Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia, betsy98@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

Abstract. The article is devoted to the creative heritage of Kokhanovskaya (Nadezhda Stepanovna Sokhanskaya; 1823–1884), an outstanding writer, a brilliant publicist, collaborator of all editions of I. S. Aksakov, the first female folklorist in Russia, and timed to coincide with her 200th anniversary. One of the main tasks, that she set for herself was the preservation of Russian “old times”, including the recent by

historical standards — Catherin’s reign. The pictures of Russian life in the 18th century and individual portraits of people of that time, which she recreated according to family traditions and documents from home archives, show that her ideas about this period in the life of Russia differed significantly from those that are usually attributed to the Slavophiles. For example, she spoke with reverence about Peter the Great. The Catherine’s era was interpreted by Kokhanovskaya, on the one hand, as “Middle Ages”, on the other hand, as “modern times” (with a positive connotation). The writer was interested in the issue of European grafting to the tree of traditional Russian culture. Kochanovskaya’s “positive outlook” on life determined her conciliatory approach to the era of historical fractures and cultural crossroads.

Keywords: literary work of Kokhanovskaya, Russian literature, historicism, Slavophilism, images of emperors

For citation: Fetisenko, O. L. (2023) “18th century — ‘Modern Times’ or ‘our Middle Ages’? Artistic archeology of Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya) (To the 200th anniversary of her birth)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(2), pp. 123–139. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-123-139.

Конец 1850-х годов был чрезвычайно плодоносным в истории русской литературы: достаточно вспомнить «Дворянское гнездо» и «Обломова». Но даже на фоне этих шедевров не потерялись три повести, подписанные «говорящим» псевдонимом без инициалов — Кохановская¹: «Гайка», «После обеда в гостях», «Из провинциальной галереи портретов». Эти простые названия скрывали за собой написанные яркой уверенной «кистью», стилистически необычные (сочетание просторечия, южноруссизмов и украинизмов, архаизмов чуть не XVII века) картины русской жизни. Причем внимание автора было обращено преимущественно к тем сословиям, которые крайне редко привлекали внимание литераторов, — среднему дворянскому кругу и городским обывателям. Автор как будто постепенно вступал в реку времен: в первой повести несколько временных пластов, главный был условно «современным»; во второй — с двумя рассказчицами — тоже сочетались настоящее

¹ Псевдоним появился не случайно, им стала родовая фамилия матери автора. Об истории рода Лохвицких, в XVII веке при переселении с Волыни в белгородские и харьковские земли Лохвицких-Кохановских (первоначально — Кохановских, по происхождению от «коханца» (любимца) князя Константина Острожского), см.: [Кохановская, 2023, т. 2, с. 469–479; Платонова, 1909, с. 2–7].

и прошлое, и прошлое это (видимо, 1820-е годы) было мало привязано к конкретным чертам эпохи, важнее было место, где разворачивалась главная сюжетная линия, — Купянск на Слободской Украине.

Временем действия в третьей повести стала екатерининская эпоха, рассказчица из «настоящего времени» плавно переносила читателей в прошлый век, а основной сюжет был связан со счастливо разрешающимся семейным конфликтом в доме богатого помещика, портрет которого, казалось бы, дополнял уже сложившуюся в отечественной словесности галерею «самодуров», но — к удивлению литературных критиков — был нарисован как-то необычно: без утаения темных красок, но с явным любованием. Собственно, таков был и весь рисуемый этой писательницей мир — освещенный не

только «лучом поэзии» [Анненков, 2000, с. 322], но — и прежде всего — светом любви, однако не «слепой», а зрячей, умной, видящей всю игру светотени, находящей «блеск идеи в самой темной действительности» [Гиляров-Платонов, 2008, с. 612] и, как на иконе или фреске, ставящей действующих персонажей прямо «перед лицом Божиим»² [Семья Аксаковых ... 2018, с. 218].

В эпоху полного господства натуральной школы, отрицательного направления и физиологических очерков на подобное воззрение — по контрасту — был явный запрос. Читатели словно ждали отдохновения на чем-то светлом. Откликались и наиболее чуткие из критиков. Так, в рецензии М. Ф. Де-Пуле на «Дворянское гнездо» говорилось: «Теперь... мы можем смотреть спокойнее и любовнее на жизнь. И это не оптимизм, а вытекает из самой жизни: где жизнь — там и прекрасное, там и поэзия» [Де-Пуле, 1859, с. 2]. Подобные взгля-

Кохановская (Н. С. Соханская). Фото В.-Я. Лауфферт. Санкт-Петербург, 1862. Картон, бумага, фотопечать. 10,1×6,4 см. Музей-заповедник «Усадьба “Мураново” им. Ф. И. Тютчева», инв. № МТютч КП ОФ-912

² Выражение из письма И. С. Аксакова к Н. С. Соханской от 1 февраля 1864 года.

ды разделяли Ап. А. Григорьев и К. Н. Леонтьев. А значительно позднее, уже в романе «Анна Каренина», другой критик, В. Г. Авсеенко, отметит «любственное отношение» автора к жизни и особые «ласкающие» тона в повествовании [Авсеенко, 1875, с. 1].

О необходимости развивать «положительное направление», или «положительное воззрение», которое могло бы противостоять «отрицательному», в 1850-е годы на страницах своего журнала «Русская беседа» много размышляли славянофилы. Но ни одного имени, кроме С. Т. Аксакова, они не могли назвать в числе представителей такого направления — пока не познакомились с одной из повестей, о которых шла речь выше. Теперь именно Кохановская становится их «знаменем». Отыскать писательницу, узнать ее настоящее имя и завязать с ней переписку поручают И. С. Аксакову, что он с успехом и исполняет в конце 1858 года. Так начинается сотрудничество в славянофильских изданиях Надежды Степановны Соханской (1823–1884)³, выпускницы (с первым шифром) Харьковского института благородных девиц и «заочной» литературной ученицы П. А. Плетнева, жившей в доме под соломенной крышей на бедном хуторе своей матери в степном уголке Изюмского уезда. Впрочем, она не связывала себя непреложными обязательствами по отношению именно к аксаковским изданиям: в 1860 году в «Русском слове» (тогда еще не «радикальном») она помещает вторую редакцию своей повести «Гайка», а для «Отечественных записок» А. А. Краевского обрабатывает начатую еще в 1854 году документальную повесть или хронику «Старина»⁴ (пять глав будут опубликованы в 1861 году, затем из-за конфликта с издателем публикация будет прервана; разбиравший архив писательницы библиограф С. И. Пономарев в 1898 году опубликует еще одну главу). Тем не менее ряд произведений (и художественных, и публицистических) в дальнейшем будет создан именно для аксаковской газеты «День».

В январе 1863 года вышел в свет изданный Аксаковым двухтомник «Повести Кохановской», что стало, с одной стороны, писательским триумфом, с другой же — первым шагом к превращению в «литературного изгнанника», пользуясь выражением В. В. Розанова. Те самые произведения, что ранее вызвали горячие и, казалось, непритворные похвалы критиков всех имеющихся направлений (кроме разве что Н. А. Добролюбова), теперь пришлось не ко времени и подвергались осмеянию за «отжившие идеалы», «византийский пафос», «опасную проповедь» смирения. Еще большее непонимание встретило

³ См. о ней: [Платонова, 1909; Лебедева, 2006; Бирюкова, 2018; Фетисенко, 2021, Кохановская, 2023, т. 1, с. 5–38 (вступ. статья); Фетисенко, 2023].

⁴ Подчеркну: работа над хроникой «Старина» велась параллельно с созданием С. Т. Аксаковым «Семейной хроники», то есть еще до выхода последней в свет, независимо от нее.

следующее крупное произведение «Рой-Феодосий Саввич на спокойе» [Кохановская, 1864], хотя у него были восторженные читатели и в среде писателей и ученых. «Зачем... толпиться на общей дороге? Не лучше ли честно своротить на маленькую тропинку и оставить другим честь и большее место», — рассуждала писательница [Кохановская, 2020, с. 238–239] и понемногу уходила в свой хуторской затвор, крайне редко присылая в столицы свои новые произведения. Последней ее крупной работой стало открытое письмо к Л. Н. Толстому по поводу его «Исповеди» (1884) — первое в России полемическое выступление на эту тему, фактически развернутый литературно-богословский трактат. Скончалась Соханская 3 декабря 1884 года от тяжелого онкологического заболевания, с большим мужеством и терпением ей перенесенного. Ее дом, могила и архив утрачены (сохранились лишь несколько крупных эпистолярных комплексов, таких, например, как письма к И. С. Аксакову [Семья Аксаковых ... , 2018], П. А. и А. В. Плетневым, и автограф ранней редакции «Старины», с которым Плетнев успел познакомить кн. П. А. Вяземского [Кохановская, 2023, т. 2, с. 802, 833]). Судить о богатстве этого архива, о разнообразии занимавших писательницу вопросов, о широком круге ее знакомств можно по составленной в конце XIX века описи [Пономарев, 1898]. В 2023 году мною начато издание академического Полного собрания сочинений и писем Кохановской [Кохановская, 2023], что, надеюсь, может усилить исследовательский (оживающий в последнее время) и возбудить читательский интерес к этой несправедливо забытой писательнице.

Одну из главных своих творческих задач Кохановская видела в сбережении «старины», в том числе и сравнительно близкой по времени, как екатерининское царствование. Судя по всему, импульсом к такому развороту в прошлое послужила книга Вяземского «Фон-Визин», полученная Соханской в подарок от Плетнева еще в год ее выхода (1848)⁵. Молодую писательницу за живое задела слова князя о недостатке у нас «несторских летописей» — живой «литературы фактов». Действует она сразу в нескольких направлениях: «фиксация» впечатлений современности с элементами фольклористики (например, в эпидемию 1848 года она собирает народные рассказы, персонифицирующие холеру, в 1854 году пишет о проходящих на Крымскую войну полках, записывает украинские песни — отклики на эту войну), собирание редчайших «боярских песен» (самые древние из них, видимо, восходят еще к эпохе Ивана Грозного),

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 9 (письмо Соханской от 30 мая 1848 года). Цитата из «Фон-Визина» станет эпиграфом к первой редакции «Старины» [Кохановская, 2023, т. 2, с. 605], которая и создавалась в виде открытого письма к Вяземскому.

своего рода «художественная археология»⁶ в повестях, а также историческая документальная проза. Погруженность писательницы в «старину» даже вызвала упрек ее воронежского корреспондента, с которым она никогда не виделась, но около шести лет переписывалась, М. Ф. Де-Пуле. Его письма не сохранились, но в ответном послании стоит обратить внимание на следующую автодицеею:

Вы много нападаете на меня за мою будто бы страсть к археологии. Говорите, что другие легко могут сделать то, над чем работаю я. Не знаю, повторите ли Вы Ваши слова, прочитавши пять глав моей «Старины». А моя приверженность к Археологии, как говорите Вы, вся именно заключается в том, что я чувствую себя обязанною — призванною сделать то, чего другие не в состоянии сделать: не потому, чтобы на то недоставало их, а у них нет тех богатых материалов Старины, живых семейных преданий, которыми я богата и которые я боюсь утратить со смертью своих старушек, матери и тетушки⁷. Умри они, и могу смело сказать: последняя нить, связующая наше поколение с живою памятью дедов, оборвется; а ведь мы настолько выросли, чтобы уметь дорожить этою нитью.

[Кохановская, 2020, с. 236]

Воссозданные Кохановской по семейным преданиям и по документам из домашних архивов картины русской жизни XVIII столетия и отдельные портреты людей того времени показывают, что ее представления об этом периоде жизни России существенно отличались от славянофильских. Например, она с большим пиететом отзывалась о Петре, не лишая его «величия» даже помимо официального именованья Великим: «...с великим светом имени *Петра*» [Кохановская, 2023, т. 2, с. 611]⁸. Кохановская вполне могла бы присоединиться к сохраненному А. О. Смирновой отзыву Пушкина о главе славянофилов, который любил приводить в своих работах покойный В. А. Кошелев: «Хомяков заблуждается, говоря, что Петр думал, как немец. Я спросил его на днях, из чего

⁶ Так, о повести «Из провинциальной галереи портретов» она свидетельствует в записи для себя: «*Не на фактах, а на жизненном духе, выработанном этими фактами*» [Пономарев, 1898, с. 282]. В двух других повестях («Рой-Феодосий Саввич на спокойе» и «Словесная кроха хлеба») были использованы семейные предания и местные легенды, а исторические «декорации» настолько проработаны, что труд писательницы действительно сопоставим с работой археолога.

⁷ Именно с голосов В. Г. Соханской и К. Г. Лохвицкой и были записаны старинные боярские песни, две большие подборки которых помещены в «Русской беседе» за 1860 год.

⁸ Полу жирным курсивом передано подчеркивание в автографе двойной чертой. Впрочем, и со славянофилами не все обстоит так просто. См. работу современного историка [Бадалян, 2022].

он заключает, что византийские идеи Московского царства более народны, чем идеи Петра?» [Смирнова-Россет, 1895, с. 179].

Самая древняя рукописная книга, с которой пришлось иметь дело Кохановской в остатках дедовской библиотеки, была списком с лечебника 1559 года. Хорошо ей были знакомы грамоты XVII века, и она умела замечательно стилизовать их. Но особенно пристально писательница вглядывалась в историю XVIII века, проявляя наибольший интерес к трем царствованиям: Петра, Елизаветы и Екатерины⁹. Петровская эпоха в том виде, как она отразилась на Украине, отражена в первых главах «Старины», елизаветинская эпоха и ранние екатерининские годы — время действия в «Рое...», но царствование «великия жены» интересовало и притягивало Кохановскую более всех других. В историософском прологе повести «Словесная кроха хлеба» (1874) говорится:

...эти деяния екатерининских дней, когда так широко слагалось и разлагалось многое в зачинающейся общественной жизни, когда старые пни, срубленные беспощадной рукой всемогущего Петра, начинали зеленеть сильными, молодыми побегами, когда многое множество из отживающих зол старого быта выходило и становилось на путях и распутьях нового царствования — тогда ли не быть было чудесам всевозможных происшествий, непредвиденных случаев, странных столкновений...

[Кохановская, 1874, с. 658]

В этой эпохе (веке просвещения) писательница находила истоки многих процессов, развернувшихся уже в XIX веке. Достаточно указать на ее рассуждение о том, почему в то царствование было много судебных тяжб: потому что впервые установилось подобие правового порядка, когда можно было «не бить челом, а подавать прошения» [Там же, с. 659]. Правда, из ее же повести можно вынести заключение, что без личного вмешательства властительницы правовой порядок не работал. Финал «Словесной крохи хлеба» заметно переключается с «Капитанской дочкой» Пушкина: только чудесное вмешательство государыни спасает героя¹⁰.

Любопытно, что в хронике «Старина» екатерининское царствование живописуется как «средневековое» и даже как «наш средневековый век» [Кохановская, 2023, т. 2, с. 509, 511]¹¹, и рассказываемые в этом произведении жуткие,

⁹ См. подробнее в [Фетисенко, 2022].

¹⁰ См. об этом подробнее в [Фетисенко, 2022, с. 608–611].

¹¹ Далее встречаем словосочетания: «средневековые предания», «средневековый дух нашего общества», «средневековое общество» [Кохановская, 2023, т. 2, с. 524, 534, 537].

а порой трагикомические истории о разбойничьих шайках, возглавляемых дворянами (и вовсе не благородными Дубровскими, а настоящими преступниками), доказывают правоту такого подхода. Опровергая замечание Вяземского о том, что «мы не имеем средних веков ни в государственном, ни в общежительском бытии» [Вяземский, 1848, с. 52], Кохановская раскрывает свое виденье «века Екатерины»:

...когда вдоволь наслушаешься и наберешься разных сказаний и воспоминаний о старине, каким собственно русским средневековым царством и государством сдается царствование Екатерины Второй. По крайней мере, в нашем общежительском быту вы не отнесете это царствование ни к грозной сиверке Петра Первого, ни ко временам Александра Благословенного; но это сам по себе отдельный век Екатерины Второй. Мы еще не отошли от него на полные пятьдесят лет (потому что, говоря с рассудительностью, не смерть Екатерины, а жизнь ее века, выживавшаяся у нас сполна и на раздолье до «славной памяти двенадцатого года» — один конец этой жизни может обозначить рубеж); а между тем, не представляется ли он нам как бы давно минувшим, что слухи о нем и даже живые изустные сказанья зовутся у нас *преданиями екатерининских времен*? И в этих преданиях, в не созданной еще истории екатерининского века, сколько, если хотите, *исходно* средневекового в слагающемся смысле нашего общества, которое мало-помалу получает новые потребности; в нем бессознательно шевелятся новые силы; немножко просвещения перестает быть официальным лоском, чем-то вроде парадной формы при дворе, а являются Шварц и Новиков, народно-сатирические типы Фонвизина. На его широкой пяте начинает колебаться наш закоренелый феодализм невежества и предрассудков, и при этом судите, сколько должно было возникнуть борьбы на жизнь и умиранье! Какие суровые личности, совершенно в духе средневекового выявления грубой материальной силы и с нею нераздельного насилия и самоуправных жестокостей должны были выйти и показаться в нашем обществе пред тем, как исчезнуть этим личностям мало-помалу!

У нас ли не было тех грозных феодальных баронов, наших старинных бар, которые, выслав от себя в передовые государственные удальцы целую семью Орловых, заявя свою жизненно-поэтическую силу в стихах Державина и в жизненной прозе великолепным князем Тавриды, обозначив себя столькими лицами вельможного века Екатерины, — засели наши остальные бары в своих поместьях, ничуть не уступавших по значительности феодальным баронствам, и что они там делали на свободе, на раздолье своей барской воли, принимавшей за рубеж себе свою силу? Какие легенды могли бы составиться со всею грубою

суеверной чудесностью средних веков и с их суровыми принадлежностями подземельных темниц, железных запоров, жертв узниц!.. А эти красующиеся картины великолепных охот с травлями на вепрей и медведей, и даже на шутов и дураков, прикрытых медвежьей шкурою! И разгульные пиры после охот в наших дубовых лесах и заповедных рощах, с сверкавшей обстановкою цыганских плясок и песен, заплетавшихся вокруг хороводов — гудки и гусли, роговая музыка и наша полуазиатская роскошь, ярко и странно смешивавшаяся с утонченной французской негой и соблазнительной роскошью восемнадцатого столетия! Наконец, для показания отваги и удали, лихое молодечество, ночные наезды — этот чистый разбой феодальных баронов при больших дорогах...

[Кохановская, 2023, т. 2, с. 509–510]

Екатерининская эпоха — в характерном для нее сочетании старины и новизны¹², полуазиатского и французского, — как уже было сказано, стала основным временем действия повестей «Из провинциальной галереи портретов» и «Словесная кроха хлеба». И так, с одной стороны, писательнице середины XIX века конец прошлого столетия казался «средневековьем»¹³, с другой стороны — лучших людей екатерининского царствования (к таковым она относила и своего деда, Григория Ефимовича Лохвицкого) Кохановская трактует как людей «нового времени» [Кохановская, 2023, т. 2, с. 558], в частности потому, что это были люди, чтущие знание, книгу, просвещение, порядок. Тема приверженности чтению — один из лейтмотивов посмертно опубликованной шестой главы «Старины». «Книжником» был и идеальный Феодосий Саввич по прозвищу Рой (из повести 1864 года) — человек еще елизаветинского времени. Но его круг чтения был преимущественно церковным — богослужебные книги, Четьи-Минеи¹⁴. Таков и «сударь Прус» из «Словесной крохи хлеба». Прилежа-

¹² Замечательна в этом отношении сцена утреннего представления дочери отцу. Барышня в кринолине, с непрременной мушкой на щеке, читает по-церковнославянски тропари святым дня.

¹³ Не стоит исключать еще одного соображения: средневековым екатерининское царствование выглядело в своеобразной «историографии» Кохановской еще и потому, что было средним, центральным между условно «древним» для нее петровским и «нынешним царствованием». Впрочем, и петровская эпоха была не столь уж далекой: семейное предание о том, как дочь прапрапрадеда заушила поухаживавшего за ней царя, возвращавшегося из-под Полтавы, Кохановская красочно воспроизводит со слов родной тетки, которая в детстве застала «древней старухой» внучку храброй Агриппины, своей пращурки. См. [Кохановская, 2023, т. 2, с. 614]. Такова была крепость родовой памяти у Лохвицких.

¹⁴ И молва о его бдениях над книгами идет такая: «Стоят у него, у сударя, столы дубовые, под великими книгами гнутся, и те он книги на пасеке по ночам читает. И за тем по ночам: что вывез он те неусыпальные книги из богопрогневанной земли, где ночь одна и света Лица Божья — красного солнца не видать; а светят там каменные горы — подземным огнем горят...» [Кохановская, 1864, № 6, с. 4].

ние Роя к книгам не передалось его дочерям, которые были едва грамотными: деталь, возмущившая в свое время Аксакова [Семья Аксаковых ... , 2018, с. 222], но характерная для переходной эпохи.

Не остался обойденным Кохановской и вопрос о европейской прививке к древу традиционной русской культуры, показанный, как часто бывало в произведениях этой писательницы, через детали костюма и самовыражение в песне, танце, игре. В повести «Из провинциальной галереи портретов» молодежь свободно переходит от гавотов и менуэтов к русской пляске (замечание Кохановской о том, что «ззорно» было барышне-дворянке «не иметь паневы и сарафана» для русской пляски [Кохановская, 2023, т. 2, с. 227], находит подтверждение в женских мемуарах), весной качается на русских качелях (как Ларины!), а европейское платье — лишь легкая дань времени, не затрагивающая глубин души, которые отзываются на голос песни:

Родной напев ее, сильный и могучий, был еще совершенно близок людям, которые по одной внешности — только по своему французскому кафтану и исподнему платью — тщились вступить на знатный путь европейского развития, а на самом деле они оставались всё теми же простыми русскими людьми.

Фиолетовый кафтан,
Парчевый камзол,
Чулки шелковые,
Пряжки с искорками

не перерождали, а только переряжали русского барина. «Шутку шутишь, немец!» — мог не шутя сказать какой-нибудь богатырский барин... сияясь представить себе, чтобы такой шутовской наряд, как коса и пукли, по колено короткие штаны и пряжки, и вся эта заморщина расшаркований и приседаний могли захватить в себя и (не) дать простор тому широкому раздолью, которое русским ходенем ходило и живо жило в его барской груди — шутку шутишь, немец! И чтобы настояще видеть, как это заморское переряжение русского барина было не много чем более маскарадной шутки, надобно было только заливному напеву простой русской песни коснуться его барского слуха. Как конь боевой, инде почуяв звуки кавалерийской рыси, в минуту весь перерождается, уши сторожат, глаз горит; он будто оседает на задних ногах и вытягивается передними, еще минута, и уже он, хвост и гриву на размет, несется, давая слышать вокруг свой полуиспуганный храп и веселое ржанье: так точно, без

натяжки можно сказать, звуки русской песни перерождали нашего барина, по всему будто офранцузившегося; и коса сзади висит, и лавержет¹⁵ взбит; но что значит коса и парикмахерский лавержет, когда всю душу насквозь пронимает живая сила родного напева? Барин, как конь, чуть не вставал на дыбы; он истинно ржал ответным чувством своей богатырской груди, послышавшей могучие звуки, в которых вольною волею могла разгуляться душа. Синий кафтан на плеча, сапоги с серебряными подковами, черная шляпа пуховая со павлиньим пером, и вот он бурно, неистово вносился в хоровод. Он заплясывался до упада, и могло ли что-либо хотя несколько прививное удержаться здесь, не осыпаться, как осыпались бы все до одной блески французского кафтана в этом размете дебелой силы, в этом топоте и свисте¹⁶, который прорезывал воздух как стрела, а под могучими ногами трещал и подавался дубовый пол, и земля выбивалась на полчетверти?

[Кохановская, 2023, т. 2, с. 225–226]

Приведенный фрагмент обнаруживает родственность Кохановской со славянофилами (хотя повесть по большей части создавалась еще до ее знакомства с их кружком), но при всей ее глубокой любви к песенно-былинной старине и понимании первооснов народной культуры сама писательница была человеком «нового времени». Ее детский, неконтролируемый взрослыми круг чтения составляла литература XVIII века, что, вероятно, во многом и предопределило интерес к этому столетию. Институтское образование тоже было сфокусировано на европейской «новизне». Характерно признание в раннем письме к Плетневу (от 11 июля 1847 года):

Ах, Боже мой! как посмотрю я: что у меня за старческие понятия! что за превратность в них! Как молотом в голову ударила меня брошюра г. Шевырева и ваше одобрение ей¹⁷, решающей вопрос: «отчего Россия с XVIII столетия не

¹⁵ От *фр.* la vergette — длинные взбитые спереди волосы.

¹⁶ Возможно, аллюзия на стихотворение Лермонтова «Родина» (1841): «Пляску с топотом и свистом...».

¹⁷ Речь идет о рецензии Плетнева в издаваемом им «Современнике» (1846. Т. XLII. С. 211–217) на вышедшие в свет первые пять лекций С. П. Шевырева: «История русской словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции Степана Шевырева, профессора Московского университета. Том первый, часть первая» (в сокращении, без большой цитаты из первой лекции: [Плетнев, 1885, с. 528–529]). Приведенных далее Соханской слов в заметке Плетнева нет, по-видимому, они могли быть взяты из его письма; но из этой рецензии стоит привести следующее, остающееся до сих пор актуальным, наблюдение: «...в нынешнюю эпоху, когда у нас одни писатели, увлекаемые ошибочным патриотизмом, не хотят изучать ничего иностранного, а другие, напыщенные знанием не больше как иностранной терминологии презирают всё отечественное» [Там же, с. 529].

сохранила своего соперничества в деле просвещения с европейскими державами»; а прежде она имела его?.. А я думала, что только с восемнадцатого века мы и начинаем кой в чем соперничать с Европой, а до тех пор...

[Кохановская, 1897, с. 390]

Затем сама жизнь подвела молодую особу к синтезированию всех впечатлений, книжных и некнижных, а сформировавшееся у нее со временем «положительное воззрение» обусловило примиряющий взгляд в том числе и на эпоху исторических разломов и культурных перекрестков. Лучшие произведения Кохановской подтверждают справедливость слов Хомякова о ней из речи в Обществе любителей российской словесности 2 февраля 1860 года: «Никогда, может быть, со времени нашего бессмертного Гоголя, не видели мы такой светлой фантазии, такого глубокого чувства, такой художественной истины в вымысле... в ее художественных произведениях мы видим... произведения сильного художественного таланта, направляемого и оберегаемого тонким и строгим анализом» [Хомяков, 1900, с. 438].

Список источников

А. О. [Авсеенко В. Г.] Очерки текущей литературы. *Анна Каренина*, роман гр. Л. Н. Толстого («Русский Вестник», январь) // Русский мир. 1875. 5 февр. № 34. С. 1–2.

Анненков П. В. Критические очерки. СПб.: РХГИ, 2000. 416 с.

Бадалян Д. А. Публицистика славянофилов о Петре I и его реформах // «Он весь как Божия гроза»: Образ Петра I в русской дореволюционной журналистике. СПб.: Алетейя, 2022. С. 113–143.

Бирюкова М. А., Стрижев А. Н. Надежда Степановна Кохановская (Соханская) (1823–1884): Материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2018. № 45. С. 200–281.

Вяземский П. А., кн. Фон-Визин. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1848. 468 с.

Гиляров-Платонов Н. П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / сост. и коммент. Ю. В. Климакова. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 720 с.

Де-Пуле М. Ф. Дворянское гнездо И. С. Тургенева // Русское слово. 1859. № 11, отд. II. С. 1–22.

Кохановская [Соханская Н. С.] Рой-Феодосий Саввич на спокое // День. 1864. 1 февр. № 5. С. 4–9; 8 февр. № 6. С. 4–7; 15 февр. № 7. С. 4–8; 22 февр. № 8. С. 3–9; 5 марта. № 9. С. 5–13; 8 марта. № 10. С. 5–9; 14 марта. № 11. С. 3–9; 21 марта. № 12. С. 16–20; 28 марта. № 13. С. 7–10; 11 апр. № 15. С. 4–11.

Кохановская [*Соханская Н. С.*] Словесная кроха хлеба // Складчина: Лит. сб. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1874. С. 657–684.

[*Кохановская (Соханская Н. С.)*] Письма к П. А. Плетневу Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1897. Т. 43, янв. С. 384–396; февр. С. 1007–1020; Т. 44, март. С. 428–442.

[*Кохановская (Соханская Н. С.)*] «Все мы, благородно-простодушные провинциалы...»: Письма Кохановской (Н. С. Соханской) к М. Ф. Де-Пуле (1860–1866 гг.) / [Вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Росток, 2020. С. 222–262.

Кохановская (Соханская Н. С.). Полное собрание сочинений и писем: в 7 т. / под ред. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2023 — изд. *продолжается*.

Кунильский Д. А. Имя Кохановской в полемике почвенников и славянофилов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 1 (154). С. 68–73.

Лебедева С. Н. Фольклорно-этнографическая основа творчества Н. С. Кохановской: Дисс. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской государственный ун-т, 2006. 176 с.

Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823–1884: Биогр. очерк. СПб.: Сенатская тип., 1909. 234 с.

Плетнев П. А. Сочинения и переписка: в 3 т. / изд. Я. [К.] Грот. СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1885. Т. II. 577 с.

Пономарев Ст. [И.] Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Т. 49, янв. С. 277–312.

Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка. 1858–1884 / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. (Сер. Славянофильский архив. Кн. 4). 600 с.

[*Смирнова-Россет А. О.*] Записки А. О. Смирновой (Из записных книжек: 1826–1845 гг.). СПб.: Ред. журн. «Северный вестник», 1895. Ч. 1. 342 с.

Фетисенко О. Л. Кохановская: «степной цветок» русской словесности. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 424 с.

Фетисенко О. Л. Образы русских государей в творчестве Кохановской (Н. С. Соханской) // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Вып. 3. С. 597–613.

Фетисенко О. Л. Кохановская (Н. С. Соханская) и ее судьба в русской литературе // Соловьевские исследования. 2023. Вып. 1 (77). С. 109–121.

Хомяков А. С. Речь в публичном заседании 2-го февраля 1860 г. // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Университетская тип., на Страстном бульваре, 1900. Т. III. С. 437–444.

Архивы

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

References

A. O. [Avseenko, V. G.] (1875) “Ocherki tekushchey literatury. Anna Karenina” [“Essays on the current literature. Anna Karenina”], *Russky mir [Russian World]*, 34, 5 Feb, pp. 1–2.

Annenkov, P. V. (2000) *Kriticheskiye ocherki [Critical essays]*. St. Petersburg: Russkii khristianskii gumanitarnyi institut.

Badalyan, D. A. (2022) “Publitsistika slavyanofilov o Petre I i yego reformakh” [“Publicism of Slavophiles about Peter I and his reforms”], in “*On ves’ kak Bozhiya groza*”: *Obraz Petra I v russkoy dorevolutsionnoy zhurnalistike* [“*He is all like Gond’s thunderstorm*”: *The image of Peter I in Russian pre-revolutionary journalism*]. St. Petersburg: Aleteiya, pp. 113–143.

Biryukova, M. A., Strizhev, A. N. (2018) “Nadezhda Stepanovna Kohanovskaya (Sokhanskaya) (1823–1884): Materialy k bibliografii” [“Nadezhda Stepanovna Kohanovskaya (Sokhanskaya) (1823–1884): Materials for the bibliography”], *Literaturovedcheskii zhurnal [Literary journal]*, 45, pp. 200–281.

Vyazemsky, P. A., Prince (1848) *Fon-Vizin*. St. Petersburg: Departament vneshney trgovli.

Gilyarov-Platonov, N. P. (2008) “*Zhizn’ est’ podvig, a ne naslazhdenie...*” [“*Life is a feat, not a pleasure...*”]. Compilation and comments by Yu. V. Klimakov. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii.

De-Pule, M. F. (1859) “Dvoryanskoe gnezdo I. S. Turgeneva” [“The Noble Nest by I. S. Turgenev”], *Russkoe slovo [Russian Word]*, 11, section II, pp. 1–22.

Kokhanovskaya [Sokhanskaya, N. S.] (1864) “Roy-Feodosiy Savvich na spokoye” [“Swarm-Theodosii Savvich during His Retirement”], *Den’ [Day]*, 5, pp. 4–9; 6, pp. 4–7; 7, pp. 4–8; 8, pp. 3–9; 9, pp. 5–13; 10, pp. 5–9; 11, pp. 3–9; 12, pp. 16–20; 13, pp. 7–10; 15, pp. 4–11.

Kokhanovskaya [Sokhanskaya, N. S.] (1874) “Slovesnaya krokha khleba” [“A crumb of bread in a word”], in *Skladchina. Literaturny sbornik [Clubbing. Literary collection]*. St. Petersburg, pp. 657–684.

[Kokhanovskaya (Sokhanskaya, N. S.)] (1897) “Pis’ma k P. A. Pletnevu N. S. Sokhanskoy (Kokhanovskoy)” [“Letters to P. A. Pletnev from N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya)”], *Russkoye obozreniye [Russian Review]*, 43, Jan, pp. 384–396; Feb, pp. 1007–1020; 44, Mar, pp. 428–442.

[Kokhanovskaya (Sokhanskaya, N. S.)] (2020) “Vse my, blagorodno-prostodushnye provintsialy...”: Pis’ma Kokhanovskoy (N. S. Sokhanskoy) k M. F. De-Pule (1860–1866 gg.)” [“All of us, nobly simple-hearted provincials...”: Kokhanovskaya’s letters to M. F. De-Poulet (1860–1866)”, in Fetisenko, O. L. (ed.) *Ezhegodnik Rukopisnogo Otdela Pushkinskogo Doma na 2020 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2020]. St. Petersburg: Rostok, pp. 222–262.

Kokhanovskaya (Sokhanskaya, N. S.) (2023 —) *Polnoye sobraniye sochinenii i pisem v 7 tomakh* [Complete Works and Letters: 7 vols]. Ed. by O. L. Fetisenko. St. Petersburg: Vladimir Dal’.

Kumil’skiy, D. A. (2016) “Imya Kokhanovskoi v polemike pochvennikov i slavyanofilov” [“The name of Kokhanovskaya in the controversy between the ‘pochvenniks’ and slavophiles”], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk University], 154(1), pp. 68–73.

Lebedeva, S. N. (2006) *Folklorno-etnograficheskaya osnova tvorchestva N. S. Kokhanovskoi* [Folklore and ethnographic basis of N. S. Kokhanovskaya’s creativity]. PhD diss ... in Philology. Tver’: Tver’ State University.

Platonova, N. N. (1909) *Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya). 1823–1884. Biograficheskii ocherk* [Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya). 1823–1884. Biographical essay]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.

Pletnev, P. A. (1885) *Sochineniya i perepiska v 3 tomakh. Tom 2* [Works and correspondence: 3 vols. Vol. 2]. Ed. by Ya. Grot. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk.

Ponomarev, St. [I.] (1898) “Opis’ bumag, ostavshikhsya posle N. S. Sokhanskoi (Kokhanovskoi)” [“Inventory of papers left after N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya)”], *Russkoye obozreniye* [Russian Review], 49, Jan, pp. 277–312.

Fetisenko, O. L. (ed.) *Semya Aksakovykh i N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): Perepiska. 1858–1884* [The Aksakov Family and N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): Correspondences. 1858–1884]. St. Petersburg: Publishing house “Pushkinskii Dom”.

[Smirnova-Rosset, A. O.] (1895) *Zapiski A. O. Smirnovoy. Chast’ 1* [Notes by A. O. Smirnova. Part 1]. St. Petersburg: Severny vestnik.

Fetisenko, O. L. (2021) *Kokhanovskaya: “Stepnoj tsvetok” russkoj slovesnosti: Teksty i konteksty N. S. Sokhanskoy* [Kokhanovskaya: “The steppe flower” of Russian literature. Texts and contexts by N. S. Sokhanskaya]. St. Petersburg: Publishing house “Pushkinskij Dom”.

Fetisenko, O. L. (2022) “Obrazy russkikh gosudarey v tvorchestve Kokhanovskoy (N. S. Sokhanskoy)” [“Images of Russian Sovereigns in the work of Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya)”], in *Literaturny protsess v Rossii XVIII–XIX vekov. Svetskaya i*

dukhovnaya slovesnost'. Vypusk 3 [*Literary process in Russia in the 18–19th centuries. Secular and spiritual literature. Iss. 3*]. Moscow: IMLI RAN, pp. 597–613.

Fetisenko, O. L. (2023) “Kohanovskaya i yeyo sud’ba v russkoy literature” [“Kokhanovskaya and her fate in Russian literature”], *Solovievskiye issledovaniya* [*Soloviev Studies*], 77(1), pp. 109–121.

Khomyakov, A. S. (1900) “Rech’ v publichnom zasedanii 2-go fevralya 1860 g.” [“Speech at a public meeting, on February 2, 1860”], in Khomyakov, A. S. *Polnoye sobraniye sochinenii v 8 tomakh. Tom III* [Complete Works: 8 Vols. Vol. 3]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, na Strastnom bul’vare, pp. 437–444.

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

Information about the author: Olga L. Fetisenko — DSc in Philology, Leading Researcher at The Department of New Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (IRLI RAS). Address: 4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023;
принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 03.04.2022;
approved after reviewing 01.06.2023;
accepted for publication 10.06.2023.